

УДК 141.78:930.1(492)«20»*Ф. Анкерсмит

Нарративная философия истории: 6 тезисов Ф. Анкерсмита и Х. Уайта

В.В. ЦАЦАРИН

В статье рассматриваются тезисы нидерландского философа Ф. Анкерсмита, посвящённые его видению нарративистской философии истории. Показана их взаимосвязь с поэтологической теорией Х. Уайта. Оспорен имеющийся взгляд на противоположность систем и взглядов на историю названных мыслителей. Проанализированы тезисы Анкерсмита по нарративистике. Показаны трудности исторического исследования при его опоре только на эпистемологические моменты.

Ключевые слова: интерпретация, исторические исследования, нарратив, поэтологическая философия истории, историческое понимание.

The article deals with the theses of the Dutch philosopher F. Ankersmit. They are devoted to his vision of the narrativistic philosophy of history. Their relationship with the poetological theory of H. White is shown. The existing view on the opposite of systems and views on the history of these thinkers is disputed. Ankersmit's theses on narrativistics are analyzed. The difficulties of historical research are shown when supported only on epistemological moments.

Keywords: interpretation, historical research, narrative, poetological philosophy of history, historical understanding.

Историческое прошлое – вечная тема культурной рефлексии. И проблема многомерности, вариативности исторических интерпретаций освещена в философии. Способов рассмотрения также имеется несколько. Рассмотрим здесь так называемый лингвистический поворот в философии истории, который поставил вопрос о родственности исторического исследования не науке, а искусству.

Франклин Рудольф Анкерсмит – современный нидерландский философ, профессор интеллектуальной истории и исторической теории в Университете Гронингена. Справедливо считается одним из мэтров современной философско-исторической мысли. Кроме того, в нашей отечественной традиции его называют чуть ли не главным критиком нашедшей теории нарративистики (или поэтологической философии истории) американского мыслителя Хейдена Уайта.

В своё время книга Уайта «Метаистория» [1] стала своего рода бомбой, взорвавшей спокойную жизнь историков (конечно, только тех из них, кто интересовался не только своей непосредственной исследовательской деятельностью). Уайт не просто провёл аналогию между деятельностью историка и литератора, но даже не побоялся проанализировать исторические тексты, а также произведения некоторых философов истории, с точки зрения филологической теории тропов. Негодование историков и философов истории, стоявших на позиции абсолютной научности исторической деятельности, подобным подходом несколько отодвинуло на задний план иные идеи «Метаистории», в частности, применимость к анализу исторических произведений системы префигурации. По Уайту, на создание исторического произведения существенное влияние оказывают ненаучные по своей сущности моменты, которых придерживается историк: тип формального доказательства, тип идеологического подтекста и тип построения сюжета.

История со времён знаменитой классификации наук О. Конта стремилась доказать свою научность. Основатель позитивизма ещё в позапрошлом веке решил, что историческое исследование не открывает общих законов и пытается решить метафизические по своей сущности проблемы. А так как решить их невозможно, то и тратить время на это не стоит. Большинство существовавших тогда наук от метафизики очистить ещё можно было, но не историю. Поэтому последнюю Конт предложил заменить на социологию – науку об общих законах развития общества, своего рода «историю без дат и имён».

Анкерсмит в своих работах во многом не соглашался с Уайтом. Возможно, поэтому его стали считать его противником. Но в вышедшей в 1994 г. книге «История и тропология: взлёт и падение метафоры» он сам отрицает данный момент. Анкерсмит не называет себя последователем американского философа, но прямо выражает ему благодарности за многие идеи, в том числе и выраженные в «Метаистории».

Кроме того, если вникнуть в знаменитые тезисы по нарративной философии истории, то влияние Уайта в них очень хорошо видно. Во всяком случае, противоположность взглядов «поймать» сложно. Рассмотрим некоторые из пунктов в переводе российских специалистов, изданном в 2009 г. [2]. Сам Анкерсмит утверждал, что эти тезисы отражают смысл его первого серьёзного издания 1983 г. (Narrative logic. A semantic analysis of the historian's language).

Первый тезис связывает нарратив и интерпретацию. Анкерсмит ставит интерпретацию выше объяснения. При этом исторические нарративы – это не совсем рассказы. А историзм (но не попперовский историзм) – золотая середина между сциентистской философией истории и поэтологической [2, с. 69–70]. Важность интерпретации в историческом сочинении оспорить невозможно. Хотя Л. Ранке требовал просто описывать всё так, как было на самом деле, но историк не может быть простым летописцем хотя бы потому, что даже летописцы давали оценку событиям. Как минимум тем, что об одних писали пространно, о других – кратко, а ещё о некоторых могли и не упомянуть. Но сводить исторические тексты только к интерпретации прошлого, тем более, противопоставлять её объяснению не стоит. Подход Уайта трактует деятельность историка шире, включая и объяснение, и оценку событий.

«Историзм является совершенной теорией истории, если он из теории об исторических явлениях преобразуется в теорию о том, как мы говорим о прошлом» [2, с. 72]. «Нарративные интерпретации применяются к прошлому, а не соответствуют ему и не указывают на него» [2, с. 73]. Чуть ниже Анкерсмит утверждает, что множество исторических интерпретаций прошлого – явление не просто возможное, но чуть ли не необходимое. Ведь язык нарратива не показывает прошлое в чистом виде. Это только интерпретации, а они могут быть различными. Этот тезис хорошо дополняется уайтовским делением историков на формистов, механицистов, органицистов, радикалов, консерваторов и пр. Выбор интерпретации или выбор типа доказательства, построения сюжета, идеологического подтекста с чисто научных позиций объяснить будет очень сложно, либо вообще невозможно. Если не вести речь о чисто конъюнктурных мотивах, а рассуждать о истинно профессиональном «научном» исследовании, то историк будет убеждён в правильности выбранной интерпретации, или типа идеологического подтекста его произведения (научного трактата), построения сюжета и т. п. И здесь мы приходим к идее правильности такой культурной многомерности. И дело даже не в том, что в споре рождается истина. Само наличие разных подходов к пониманию, осмыслению и подаче истории можно, конечно, рассматривать как изъян, отход от верной линии. События, действительно, произошли когда-то определённым образом. Вариативности быть не могло, в том смысле, что Цезарь или перешёл Рубикон, или не перешёл. Но уже современники данного события понимали его по-разному. В Цезаре могли видеть спасителя Республики, а могли и узурпатора неограниченной власти. И чья интерпретация истинна? Историческая дистанция между теми событиями и современным историком, с одной стороны, как писали приверженцы герменевтики, позволяет лучше понять. С другой, – ещё более запутывает дело, так как возникает проблема, например, достоверности источников.

Анкерсмит относит требования эпистемологии не к написанию исторических работ, а только к их интерпретации. Этот подход представляется ещё более серьёзным, чем уайтовская тропология. Далее отмечается, что любое философское оправдание возможности исторических исследований – это имплицитное отрицание «интеллектуальных достижений историка» [2, с. 74]. В принципе, многие профессиональные историки могут согласиться с тем, что их становление и развитие как специалистов проходило без активного участия теории научного познания. Следовательно, мы снова возвращаемся к тому вопросу, который поставил Уайт: научны ли основания деятельности историка. Традиционная методология научного познания в исторических (и даже шире – в гуманитарных) исследованиях практически не-

применима. Неклассические трактовки также встречают трудности с точки зрения подходов историка. Не получив «поддержки» в эпистемологии, последний строит свои сочинения на ненаучных основаниях. Эти основания можно называть нарративистскими интерпретациями, можно типом построения сюжета – вопрос выбора термина.

Нарративные интерпретации связываются Анкерсмитом с метафорой. Хотя бы в том, что они «пересекают привычную границу между областью вещей и областью языка» [2, с. 75]. Здесь также можно проследить схожесть позиций нидерландского и американского мыслителей, ведь Уайт много внимания уделил исторической тропологии. Анкерсмит чётко отделяет высказывания о прошлом и интерпретации прошлого. Исторические факты при этом подтверждают или опровергают высказывания, но не интерпретации [2, с. 75–76]. А опровергнуть интерпретацию может только интерпретация.

Анкерсмит не допускает единственно верной исторической интерпретации: «Если мы имеем только одну историческую интерпретацию некоторой исторической темы – значит, мы не имеем никакой интерпретации» [2, с. 79]. Здесь также заметно сходство позиций Анкерсмита и Уайта. Она прослеживается ещё лучше, если вернуться к более раннему тезису: «С наиболее важными и интересными интеллектуальными вызовами историк сталкивается на уровне исторического письма (выбор, интерпретация, способ видения прошлого)» [2, с. 71]. Следовательно, историк может выбирать, в чём и проявляется вариативность исторического познания, вариативность исторических исследований. То же и у Уайта: историк префигурирует объекты исторического поля и выбирает тип построения сюжета своего произведения, тип формального доказательства, которого он придерживается и тип идеологического подтекста, который будет присутствовать в тексте. То, что Анкерсмит объединяет в понятии «интерпретация», Уайт разделяет на составляющие элементы. Ведь философские словари определяют интерпретацию как приписывание значений исходным выражениям. Получается, что историк имеет в качестве исходных значений некоторые факты о прошлом. К ним в качестве практически равноправных значений добавляются интерпретации (мнения, теории, концепции) других историков, так как он не является первым историком. Что касается последних, то их можно разделить на приемлемые для исследователя (с ними он в той или иной мере согласен, поэтому опирается на них, может приводить в качестве аргументов своего построения) и на те, которые представляются ему неприемлемыми (с ними историк в лучшем случае не соглашается, спорит, в худшем – «не замечает», игнорирует). Проблема истории (или её преимущество) состоит в том, что известные нам факты о прошлом также можно рассматривать как некие интерпретации, ибо никакой историк не наблюдает непосредственно то, о чем повествует. Это справедливо даже в том случае, когда его исследование касается событий, которые произошли при его жизни и частью которых он даже был сам. В последнем случае, вообще, сложно быть «объективным», причём, как минимум, по двум причинам: 1) наша память не запечатлевает события со всей отчётливостью и надолго, мы можем быть уверенными, что всё произошло именно так, как мы помним, хотя у других очевидцев могут быть и отличные от наших воспоминания (именно поэтому использовать в исторических работах мемуары очень сложно и опасно); 2) историческая дистанция от произошедших событий слишком мала, поэтому оценить масштабность и значимость того или иного события не просто. Приведём пример. После прекращения существования СССР и подписания соглашения об образовании СНГ Минск стал его столицей. Могло показаться, что это принесёт Беларуси дополнительные дивиденды. Однако на теперешнюю ситуацию таковых не заметно. Возможно, данное межгосударственное образование обретёт «второе дыхание», и все плюсы ждут страну ещё впереди, но с позиций современности восторженные описания событий тех дней вызывают только улыбку.

Что касается уайтовского подхода к деятельности историка, то он так же, как и Анкерсмит, не только оправдывает, но и постулирует исторический плюрализм. Однако, как уже сказано выше, он как бы разделяет интерпретацию на составляющие элементы (о полноте такого разделения здесь рассуждать не будем). Как минимум половина его «Метаистории» посвящена рассмотрению работ историков и философов, которые придерживались разных

типов доказательства, идеологического подтекста и построения сюжета. И ни одной позиции преимущества не отдаётся. Ни прямо, ни имплицитно Уайт не объявляет, что контекстуализм, например, лучше показывает прошлое, чем формизм или, что сатира удобнее при написании исторических произведений, чем трагедия.

Как же возможны различные исторические интерпретации, если они посвящены событиям, которые (и это несомненно) произошли одновариантно? Ведь невозможно, чтобы одно и то же событие произошло и не произошло или произошло одновременно по-разному. Анкерсмит отмечает, что «нарративные интерпретации не имеют никакой экзистенциальной нагрузки» [2, с. 76]. Это некий инструмент для понимания прошлого. Он упоминает исторические термины «маньеризм», «промышленная революция», «холодная война» и говорит о них не как о реальных явлениях в прошлом, а как об интерпретациях, то есть вариантах объяснения того, что случилось. Историки не описывают, а объясняют прошлое. Поэтому множественность здесь естественна. «Историческое письмо не предполагает, но имеет своим результатом определения» [2, с. 77]. «Высказывания, составляющие исторический нарратив, всегда имеют двойную функцию: они 1) описывают прошлое, и 2) определяют или индивидуализируют конкретную нарративную интерпретацию прошлого» [2, с. 78]. Поэтому Анкерсмит и утверждает, что исторический нарратив автономен относительно исторической реальности. Следовательно, справедливым выводом будет возможность появления в новом историческом нарративе «нового значения».

И всё же Анкерсмит отрицает «историческую анархию», то есть ситуацию абсолютной равнозначности всех имеющихся и возможных исторических интерпретаций. Понимание истории, по его мнению, «рождается только в пространстве между конкурирующими нарративными интерпретациями и не может быть отождествлено с какой-либо конкретной интерпретацией или их совокупностью» [2, с. 79]. Рассуждая далее об историческом понимании, он объявляет его стереоскопичным, образующимся «в ходе и посредством», но не благодаря конкретной стадии исторической полемики. То есть истина рождается в споре, но этот спор вечен, а результат его на каждом этапе – лишь приближение к истине или отдаление от неё. Историография, по Анкерсмицу, не сводит неизвестное к известному, а стремится отчуждить то, что представляется привычным и познанным. Действительно, историк вряд ли будет тратить своё время на написание работы, в которой полностью согласится с мнениями своих предшественников и современников, разве что найдёт для подтверждения данной позиции новые данные. Но и последний вариант – это полемика с теми, кто потенциально придерживается иных интерпретационных позиций. Любая стоящая работа по истории – это стремление по-новому осветить события, высказать свою точку зрения, во многом отличную от взглядов (интерпретаций) других историков. И именно в этом заключается её ценность.

Таким образом, позицию Анкерсмита в философии истории не стоит противопоставлять позиции Уайта. Уайт дал Анкерсмицу (как и многим другим мыслителям) тему и материал для размышлений, показав иную сторону деятельности историка по сравнению с той, которую стремились сделать главной приверженцы позитивистских трактовок науки. Анкерсмит не опроверг и не столько дополнил Уайта, сколько высказал свои идеи касательно поднятых американским философом проблем. С одной стороны, можно сказать, что он объединил уайтовские факторы (тип построения сюжета, тип формального доказательства, тип идеологического подтекста) в единое понятие исторической нарративной интерпретации. С другой, – интерпретация, даже понимаемая таким образом, всё же не сводится к совокупности названных факторов. Поэтому Анкерсмит размышлял и о тех моментах исторической деятельности, о которых «Метаистория» умалчивает. Некоторые аспекты трактовки интерпретации и исторического понимания тезисы Анкерсмита относят в разряд некой интуиции. Скажем, таковыми видятся его идеи об историческом понимании, возникающем между разными нарративными историческими интерпретациями. Если понимание «между», то кто его формулирует? И чем это формулирование отличается от ещё одной нарративной исторической интерпретации? Скорее всего, преувеличивать значимость интерпретации в истории и роль самой анкерсмитовской теории не стоит. Однако многие моменты в ней явно заслужи-

вают доверия. По многим сюжетам исторического прошлого историк действительно не придерживается однозначной позиции, связанной с некой конкретной интерпретацией (концепцией). Что-то он считает истинным в одной трактовке, что-то в другой. И основания подобного доверия во многом интуитивны (во многом они связаны и с предлагаемой авторами интерпретаций аргументацией). Интуиция используется в науке, но больше относится к ненаучным основаниям. А это снова отсылает к теории Уайта.

Литература

1. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург : Издательство Уральского ун-та, 2002. – 527 с.
2. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 08.05.2020

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ